

ШаманЪ ШамановичЪ

Одна история из жизни ШаманЪа бананового рая

Очередным рабочим днем главный ШаманЪ песочно-бананового рая (в Европах таких обычно называют губернаторЪами — и ШаманЪу страшно нравилось это звучное определение) работал в своем кабинете на старом, узловатом суке большого красного Баобаба. Был август — пора отпусков, но, несмотря на последние теплые денечки, все шаманЪские сотрудники были на местах. Ветки на соседних деревьях были заняты, и отовсюду слышались бормотание и гортанные крики.

В связи с изменениями в законодательстве о выборах август превратился из традиционного месяца отдыха и блаженства в предвыборный и трудный.

Со всех сторон доносились возмущенные визги: всеильная «Единая Гвинея», захватившая лучшие ветки на всех баобабах и прочих пальмах, из всех сил старалась удержать теплые местечки от покушений, хотя, честно говоря, у нее это уже плохо получалось.

Понимая, что окончательно озверевшие от несправедливости аборигены больше не допустят ее до таких больших и удобных сучьев, представители правящей стаи решили загодя топить конкурентов в заливе.

Аборигены сильно возмущались таким беспределом, выходили из своих хижин на пляж и

даже грозились перекрыть пролив с соседним государством, а подлые зазаливные журналисты фотографировали утопленников и писали всякие гадкие статьи в своих гнусных газетах.

**ЕДИНАЯ
ГВИНЕЯ**

Но власть надо было удержать любой ценой — таков был сигнал от обитателей Самого Большого Баобаба. Нужно продержаться еще пять лет, чтобы собрать все бананы на субтропической Олимпиаде по катанию на льдинах и на всемирном чемпионате по метанию кокосов. Цель оправдывала средства — и это понимали все, а посему не так и важны были оборвавшиеся жизни утопленников и визги аборигенов.

ШаманЪ помассировал виски и попытался унять головную боль.

Старый, еще дисковый телефон, доставшийся по наследству от людей, что когда-то колонизировали Гвинею (кажется, среди них были и губернаторЪы), зазвонил — и через треск и шум ШаманЪ услышал знакомый крик.

Это был известный в губернии важный и наглый морской свин.

Надо сказать, что морского свина все не любили: он всегда был нахален и груб, пытался драться со всеми, ругался и скандалил. В юности его отправили служить в армию — им хотели зарядить подводную пушку. Но уже тогда он был отбракован — не влезал в торпедный аппарат и постоянно визжал, что ему страшно. Тогда его отправили служить буйком, чтоб он обозначал границы фарватера. Так свин и служил — совершенно без усилий, ибо он почему-то не тонул в воде и мирно качался на волнах, привязанный за ногу к якорю.

Потом свин устал выходить на службу, а от лежания еще и растолстел. И тогда он решил подчинить себе продавцов бананов, фиников и кокосов, отвязался и занялся делом.

Но и тут ему подфартило: ему удалось украсть один из двух местных причалов — и теперь лодки, привозившие в песочно-банановый рай всяческие товары, не могли уйти от его зорких глаз. А чуть позже он прикупил себе место главного местного единоговинеяца и потребовал называть себя не иначе как Котиком...

В общем — в трубке главШаманЪа песочно-бананового рая звучало возмущенное хрюканье и сквозь шум и треск чувствовалось даже, что свин возмущен и обижен: «Они

посмели назвать меня морской свинкой!»

ШаманЪ улыбнулся и, еле сдерживая смех, серьезно и нежно ответил: «Ну конечно, ваше свинячество! Это возмутительно! Это преступление против всей “Единой Гвинеи”, которую вы представляете! Мы обязательно разберемся!»

Положив трубку, ШаманЪ начал смеяться и смеялся так долго и заразительно, что даже его подчиненные, сидевшие на соседних ветках, начали громко и радостно хихикать ему в ответ.

«Вот и хорошее завершение трудного дня, — подумал ШаманЪ, — и кто теперь скажет, что я не похож на настоящего губернаторЪа?» — и, ловко зацепившись хвостом за сук, спрыгнул со второго яруса веток и пошел к воде посмотреть на вздувшиеся и распухшие на солнце тела утопленных конкурентов «Единой Гвинеи», что наполняли весь залив до самого горизонта.